

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

УДК 316:82-92

БОРИС НАГОРНЫЙ,

*доктор социологических наук, заведующий
кафедрой социологии Восточноукраинского
национального университета им. В.Даля
(Луганск)*

Литература как конспект по социологии

*“Вежды склоните к праху Сен-Жюста,
Вежливо путайтесь в сопромате —
Но сохраните свежие чувства,
Свежие чувства сохраняйте.
Пошлые рожки на наших просмотрах.
Пол и возраст — какая чушь!
Что отличает живых от мертвых?
Свежесть чувств.
Где-то на пригородном вокзале
Я, очутившись, не отшучусь:
“Вы, гражданин, что-нибудь потеряли?”
“Свежесть чувств, — говорю, —
свежесть чувств”.*

*Из последних стихотворений
Андрея Вознесенского*

Наконец-то! Вышла книга, где главный герой — заведующий кафедрой социологии, специализирующийся по этносоциологии. Правда, в начале книги он представлен читателям не в самом выгодном свете. Более того, он покушается на самоубийство, готовясь прыгнуть с крыши многоэтажного дома: “Самоубийца на “Сан-Пабло” был мужчиной сорока лет, с круглым лицом без морщин, с грустными четкими бровями. Вся его эрудиция, нажитая за многие годы обучения, теперь исчезла. Из пяти языков, что он знал, не пригодился ни один — ни для того, чтобы поговорить с самим собой, ни для того, чтобы понять язык иллюзий, развившихся в его сознании”. Проследим отчасти ход его мыслей: “Будучи преподавателем, я задумался над тем, кого я, в сущности, подготовил в университете? Послушных слуг или лидеров? Людей-автоматов или мыслителей?” ... “Я не использовал свои неудачи для

того, чтобы пробуждать мечты, и не был достоин их. Я замечал опасности, хотел контролировать все, что происходило вокруг меня, поскольку боялся испортить свою блестящую карьеру ученого. Внутри я стал стариком, новые идеи меня не интересовали. Забыл, что великие мыслители были безумцами, шедшими на риск под собственную ответственность” [Кури, 2010].

Но дальше — повествование разворачивается в более оптимистичном ключе. На крыше появляется новый герой — “продавец грез”, который задает всем, в том числе и кандидату в самоубийцы, массу нелепых, на первый взгляд, вопросов, которые, как потом оказывается, имеют глубинный смысл. Уводит с крыши бывшего заведующего кафедрой социологии, присоединяет к своей разношерстной группе искателей смысла жизни, которые своей технологией избрали непрерывный опрос разных людей в любой обстановке.

Потом оказывается, что одним из главных героев книги является Продавец грез или Учитель, который хотя и не претендует на роль нового мессии, но все же не устает обращаться со своими вопросами-проповедями ко всем, с кем он сталкивается на пути своего интеллектуального бродяжничества с небольшой группой последователей. Вопросы, конечно, касаются смысла жизни и ее ценностей для разных социальных групп. Однако уже в новой книге бразильского писателя Аугусто Кури — “Покупатели мечты”, вышедшей в русском переводе в 2011 году в издательстве “Клуб семейного досуга” (Харьков и Белгород), — обилие в общем-то правильных мыслей и Продавца грез, и бывшего заведующего кафедрой социологии начинает утомлять. Морализаторство явно преобладает над художественными достоинствами романа, читателю хочется более достоверной, “художественной” характеристики героев, разнообразия художественных приемов. К тому же, к концу новой книги оказывается, что Продавец грез является могущественным хозяином преуспевающего концерна “Мегасофт” (аналогию улавливаете?), решившим удалиться от руководства и меркантильных проблем...

И все же... Поскольку в двух книгах немало интересных и актуальных рассуждений одного из главных героев — завкафедрой социологии — о смысле преподавательского труда, о проблемах взаимоотношения преподавателя и студента, о роли социологии, — эти книги заслуживают подробного обсуждения в профессиональной сфере, особенно среди преподавателей. Эффективность такого обсуждения можно повысить ссылаясь на ранее опубликованные в профессиональных журналах работы. Например, на статью профессора Массачусетского технологического института Г.Т.Маркса, опубликованную еще в 1997 году в одном из американских журналов “О профессиональной деятельности социолога — 37 моральных императивов” [Маркс, 2008: с. 129–137].

Выполнение социологией своих основных функций в условиях быстро меняющегося мира во многом будет зависеть от множества факторов, в частности от того, насколько профессиональное социологическое сообщество будет оперативно и точно анализировать противоречивые и сложные социальные процессы и в какой мере сможет сформировать доступный, понятный язык, которым можно общаться с различными социальными группами населения. Отдельная и вечная проблема — поиск современных форм профессионального общения со студентами. Как преподавателю конкурировать с компьютерными технологиями, с интернетовской информацией, как добиться, чтобы многовековые пласты социологической культуры не ассо-

цировались только с академическими портретами классиков, с биографическими данными в несколько абзацев?

С опасением знакомлюсь в период “модулей” и сессий с контрольными и курсовыми работами студентов, особенно заочников. Боюсь интернетовской эрудиции. Боюсь снова встретиться с интернетовскими заимствованиями и шаблонами вроде знакомых всем преподавателям рассуждений об Огюсте Конте, основателе позитивизма, который, конечно же, был секретарем и учеником Сен-Симона, первым ввел понятие “социология” в научный оборот, доказывал, что социология должна быть теоретической дисциплиной в отличие от описательной “социальной физики” А.Кетле. Что главной работой его жизни был “Курс позитивной философии” и т.д.

Раньше я часто спрашивал таких студентов: Как они представляют себе в качестве живых людей тех классиков, которые сухим перечнем скользят по страницам учебников? Как они представляют себе эпоху, в которой жил, например, Конт? Что особенного запомнилось в его биографии? (Теперь, когда социология не включена в обязательный блок гуманитарных дисциплин, когда студентам дозволен “свободный выбор” таких курсов, эти вопросы я вынужден, как и многие преподаватели, задавать все реже.)

Мрачные эти размышления были прерваны, когда я листал подшивку “Студенческого меридиана” и впервые за долгие годы наткнулся на обычные и поэтому особенно живые строки, столь редкие сейчас, когда мы говорим о великих прошлого: “В тот вечер, когда Огюст Конт собирался в гости к своему ученику Максу Мари, он меньше всего предвидел, что встреча с сестрой Макса не только перевернет всю его жизнь, но и расстроит всю его философскую систему”. Ведь он утверждал, что “всякое позитивное мышление заключается преимущественно в способности “видеть, чтобы предвидеть, изучать то, что есть, и отсюда заключать, что должно произойти”... “Любовь настигла Огюста Конта, когда он меньше всего этого ждал. Ему 46 лет (в XIX веке — это возраст, даже для мужчины)””.

В мае 1821 года Огюст Конт встретил свою будущую жену — Каролину Массин — девушку свободных нравов. “Свадьба состоялась в 1825 году, но церковные узы не остановили Каролину. Она продолжала свои романтические встречи, что довело Огюста до безумия: его положили в психиатрическую больницу. Надо отдать должное Каролине: не щадя сил, она выхаживала мужа, которого врачи считали неизлечимым. Запоздалая преданность жены, ее уход за ним, домашние стены сотворили чудо — Огюст выздоровел. Но отношения, увы, были безвозвратно испорчены. Огюст более не доверял ей. Постоянное ощущение неуверенности, тревоги преследовало его. Он даже пытался покончить с собой, бросившись в Сену с моста Искусств. И опять его спасло чудо — случайный прохожий. Как будто Провидение берегло его для других испытаний”.

И дальше (какой сюжет для романа Анри Моруа!) — апрель 1844 года. “Перед нами немолодой человек, полностью посвятивший себя науке. Некрасив, всегда одет в черное. Словом, трудно рассчитывать на взаимность красивой женщины. Клотильде де Во 29. У нее за плечами неудавшееся замужество. Живет с братом и матерью. Небольшая рента от дядюшки. Ей трудно и одиноко. Ее сердце открыто для любви. Но... Встреча с учителем брата принесла полное разочарование: стар, почти уродлив. Так встретились два одиноких человека, которым судьба приготовила испытания лю-

бовью. Он выдержал его. Ей пришлось труднее, она не полюбила” [Безелянская, 2008: с. 54–55].

Потом были два счастливых и трагических года для Огюста Конта. Его знаменитое высказывание насчет всякого позитивного мышления сменилось другим — более кратким и более эмоциональным: “Невозможно постоянно мыслить, но возможно постоянно любить”.

Конт выстрадал эту фразу. Клотильда де Во виделась с ним только в семье брата, а в его доме была лишь дважды, и то — в сопровождении матери. Однако она была польщена кипящей страстью и эрудицией великого ученого (который, кстати, преподавал механику в знаменитой парижской Политехнической школе), аккуратно ответила на все 96 писем Конта. И все же в одном из писем написала самые жестокие для любого мужчины слова: “Я не способна отдаться без любви... не изводите себя воздержанием, оно для Вас мучительно”. Можно только представить, что прочувствовал Конт, получив от любимой женщины совет завести любовницу.

Испытания продолжались: у Клотильды обнаружили запущенную форму туберкулеза, и Конт отдает все время и все средства любимому человеку. Клотильда умирает у него на руках 2 апреля 1846 года. Конт пережил ее на одиннадцать лет, продолжал писать обращенные ей письма, создавать свою религию, основанную на культе девы Марии, на способности женщины беспорочно зачать дитя. Он продолжал ходить на кладбище Пер-Лашез и читал на могиле любимой женщины обращенные к ней письма. Потом они войдут в его “Исповедь — подарок влюбленным всех грядущих веков” [Безелянская, 2008: с. 54–55].

Профессор Виктор Георгиевич Городяненко в Днепропетровском национальном университете много лет вместе с коллегами по кафедре социологии проводит полезную и трудоемкую работу по подготовке хрестоматий по отечественной и зарубежной социологии, где представлены фрагменты научных работ классиков и их краткие автобиографические данные [Городяненко, 2007].

Логическим продолжением этой работы было бы составление кратких художественных биографий (или хотя бы эссе) классиков социологии. Какой увлекательный получился бы сборник!

На первом этапе можно было бы подготовить сборник уже опубликованных их работ, где помимо собственно научных концепций излагаются и впечатляющие факты их биографии.

Можно предположить, что насыщенность событиями жизни, интенсивность деятельности во многом способствовали тому, что П.Сорокин стал выдающимся исследователем XX века. Несколько цитат из работы “Революции и социология”.

“... Как участник, я наблюдал за развитием всех трех фаз во время революции 1905–1908 годов. В 1917 мой опыт напрямую касался лишь первой и второй фаз этой эпохальной революции”.

“... 26 октября 1917 года был днем моей женитьбы. Это было поистине революционное бракосочетание. После церковного венчания, на которое я, кстати, прибыл прямо с очень важного собрания, мы с женой и друзьями устроили получасовой легкий завтрак, после чего я вновь поспешил на очередное заседание. Только в периоды войны или революции могут случаться подобные вещи” [Сорокин, 1992: с. 223, 234].

Естественные для П.Сорокина упоминания об исторических личностях, с которыми он общался, чьи выступления слушал, с кем взаимодействовал в те революционные месяцы, впечатляют: Горький, Плеханов, Ленин, Савинков, Троцкий, Зиновьев, Набоков, Керенский, Вандервельде...

И еще две короткие выдержки из цитируемой работы: “Мой нерегулируемый образ жизни стал регулируемым. Не было фиксированного времени ни для обеда, ни для сна, ни для утреннего подъема, ни для работы. День ото дня я изнурял себя либо на поприще агитации, либо занимаясь массой текущих дел...”

“Мне предложили три поста во Временном правительстве — товарища министра внутренних дел, директора русской телеграфной службы, секретаря премьер-министра Керенского. После надлежащих размышлений я остановил свой выбор на последнем, хотя и очень сомневался, что при нынешних условиях смогу оказать большую службу стране” [Сорокин, 1992: с. 240].

Какая насыщенная биография у великого социолога! Сорокин потянул за собой в науку и в большую жизнь целую плеяду замечательных людей. Первый декан факультета социологии в знаменитом Гарварде дал путевку в жизнь многим выдающимся ученым. (Для краткости упомяну только одну фамилию — Мертон. Да разве только Мертон? Сорокин еще в России, до своего вынужденного отъезда благословил в науку Звоницкую, о которой мы практически ничего не знаем.)

Увлекательная книга получилась бы об Агнесе Соломоновне Звоницкой, которая родилась в конце XIX века (в 1897 году), была едва ли не первой женщиной среди социологического сообщества дореволюционной России. Поразительно, что первый том задуманного ею главного труда ее жизни “Опыт теоретической социологии. Социальная связь” вышел в 1914 году, когда ей было всего 17 лет.

К сожалению, второй и третий тома, хотя и были завершены, но не были опубликованы при ее жизни. (Вследствие вынужденной эмиграции Сорокина и ее ранней смерти — А.Звоницкая умерла в 1942 году в возрасте 45 лет. Архивы, хранившиеся у двоюродной сестры, погибли во время блокады Ленинграда — безвозвратно) [Голосенко, Зверев, 1991: с. 75–80].

А какая увлекательная книга могла бы получиться о Зигмунде Баумане! Николай Бугров, рецензируя одну из его последних работ — сборник эссе “44 письма от текучего современного мира” (Bauman Z. 44 letters from the Liquid Modern World. — Cambridge: Polity Press, 2010. — 188 p.), точно заметил, что жизнь З.Баумана — “словно слепок непростой эпохи, на которую пришелся его жизненный путь”. “Изначально — убежденный коммунист, офицер Войска Польского в годы войны, а затем сотрудник госбезопасности, он принимал участие во взятии Кольберга и в битве за Берлин, за что был награжден Крестом Храбрости. После окончания войны он изучал социологию и философию в Академии социальных наук и в Варшавском университете. Затем целиком посвятил себя научной работе после вынужденного оставления службы в госбезопасности (1953). В январе 1968 года З.Бауман оставил ряды Польской объединенной рабочей партии, вскоре был уволен из университета и вынужден иммигрировать: сначала в Израиль, а затем в Великобританию. Период профессорства в университете Лидса (1971–1990) стал для ученого наиболее плодотворным” [Бугров, 2010: с. 200–203].

Рецензируемый сборник эссе известного ученого был написан по заказу одного из итальянских журналов, автору была предоставлена возможность писать обо всем, что он считал нужным. Он снова поражает читателей, может быть, самым драгоценным качеством исследователя — «свежестью чувств» (по Вознесенскому) и умением увидеть новые изменения в окружающем мире. З.Бауман, как никто, умеет обращаться с метафорами. Мы еще не успели в полной мере оценить точность его определений, таких как «текущая современность», а он уже, отсылая нас к польскому поэту Адаму Мицкевичу с его мистическим названием «Его имя Сорок четыре», вкладывает в эту цифру социологический смысл в контексте анализа проблемы социальных сетей.

По мнению З.Баумана, «при ближайшем рассмотрении мобильный телефон, Интернет во многих случаях «является бегством от существующего», скрывающим реальное одиночество человека в современном мире» [Бугров, 2010: с. 201].

Мне кажется, решение этой проблемы во многом зависит от эффективности союза социологии с литературой, с поэзией. Отраднo, что у нас появляются работы, где делаются успешные попытки соединить поэзию с серьезным социологическим анализом. К ним относится и монография Ю.Сороки «Видеть, мыслить, различать: социокультурная теория восприятия» (Харьков, 2010). В ней есть раздел с нестандартным названием «Мужское восприятие женщин».

Автор подчеркивает, что в качестве объекта для анализа пространства номинаций восприятия женщины мужчиной выбран такой культурный продукт, как стихи Булата Окуджавы 1960–1990-х годов.

Номинации, соотнесенные с женским персонажем и несущие в себе категории и схемы восприятия женщины и женственности, здесь представляют собой названия возрастных и ролевых женских идентичностей, значимых в контексте восприятия социальных реальностей автора.

Таким образом, по мнению Ю.Сороки, намечаются три типа женщин: не упоминаемое существо женского пола (потенциальная «женщина»), чарующая женщина («женщина-горгона») и «моя женщина» (потенциальная «одна женщина»).

Конечно, всякая классификация условна, и вряд ли Огюст Конт, работая над «Исповедью», думал, к какой социальной группе отнести Клотильду де Во.

В поисках новых форм изложения полученных результатов украинские социологи вторгаются в области, которые раньше считались монополией критиков и искусствоведов. Ю.Сорока своей монографией реализовала нестандартный проект, анализируя проблему пространства восприятия, вторглась в эту область и очень интересно проанализировала такие категории, как детектив, кинофильм и теленовости, с точки зрения социолога. Более того, она не побоялась вторгнуться в ту, казалось бы хорошо изученную, проблему, каковой является творчество Булата Окуджавы, и достаточно подробно рассмотрела вечно актуальный вопрос мужского восприятия женщины.

В содержательной рецензии Виктора Бурлачука на эту монографию Ю.Сороки (рецензия привлекает прежде всего тем, что ее автор уходит от традиционного для такого жанра пересказа содержания анализируемой работы и излагает свою точку зрения по узловым проблемам, находя емкие афористичные формулировки (например: «похоже, что с реальностью надо

попрощаться, ведь социальное восприятие — это восприятие конкретных сообществ и групп, реальность исчезает в сутолоке конкурирующих способов восприятия социального мира”; “сама метафора “пространство восприятий” предполагает, что это пространство гетероморфно, в нем сосуществуют наблюдатели, находящиеся на разных позициях, на разных уровнях, обладающие различной социальной оптикой”).

Рецензент высказывает, вероятно, обоснованное сомнение, “почему так сужен мужской взгляд”, “взгляд на женщин одного-единственного человека, поэта Б.Окуджавы. На мой взгляд, социология не работает с такими индивидуальными объектами, как лирика того или иного поэта, каковой достаточно сложно выступить в качестве репрезентанта происходящих в обществе процессов” [Бурлачук, 2011: с. 206–207].

Наверное, да. Только следует признать, что часто поэзия, литература оперативнее и четче, чем социология, ставит диагноз и реализует прогностическую функцию. Блок почти сто лет назад написал знаменитые строки: “И в желтых окнах усмехнулись, что этих нищих провели”. Не о современной “приватизации” слова? А бессмертное высказывание Дмитрия Кедрина: “У поэтов есть такой обычай — в круг сойдясь оплевывать друг друга”? А поэзии и песни Высоцкого: “И ни церковь, ни кабак, ничего не свято. Нет, ребята, все не так, все не так, ребята...”.

Когда-нибудь появится долгожданная фундаментальная работа “Социология и литература”, в которой будущий исследователь, одинаково владеющий знанием истории литературы и истории социологии, опишет многовековую увлекательную историю взаимодействия и конкуренции литературы и социологии.

И великие личности оживут перед современным читателем не только со страниц своих произведений, но и историями своих жизней, наполненных вечными человеческими страстями: поисками смысла жизни, любимого дела, любимого человека. И мы по-новому увидим блестящую плеяду, ушедшую в историю: Питирима Сорокина, Михаила Ковалевского, Агнессу Звоницкую, Роберта Мертона, Зигмунда Фрейда, Зигмунда Баумана...

Что бы мы ни говорили, но главные узловые вопросы социологии, психологии и других наук о человеке сводятся к аксеологической составляющей — к проблеме ценностей, смысла жизни, мотивов деятельности. И здесь лучшие образцы литературы дают блестящие примеры иллюстрации этих вечных проблем.

В прошлом году ушел из жизни один из выдающихся писателей современности — сербский писатель Милорад Павич. Он оставил нам свои оригинальные книги, которые могут быть хорошей иллюстрацией к самым сложным социологическим темам на лекциях. Один из критиков очень точно заметил, что Павич писал “нелинейную прозу”. Социология давно “работает” с элементами синергетики. И, может быть, именно такие произведения Павича, как “Семь смертных грехов”, помогут студентам более глубоко понять самые сложные темы, вроде количественных методов в социологии.

По своему аспирантскому опыту я помню, как сложно нам давалась проблема количественных методов в социологии, шкала Лайкерта и семантический дифференциал Осгуда. Много лет спустя, читая Павича, я с удивлением обнаружил, что он пытается количественно измерить такую вечную и такую неуловимую категорию, как любовь. “Я чувствовал, что женщины на-

слаждаются любовью гораздо меньше, чем обычно считается. И если они пытаются оценить наслаждение, получаемое от любви, по десятибалльной системе, как это делается на экзаменах в школе, то все, что ниже шести, не стоит упоминания. Такие ощущения не получают проходного балла. Пятерка для женщины просто болезнь” [Павич, 2004: с. 46].

Боюсь увлечься — этого замечательного писателя можно цитировать бесконечно. Но не могу удержаться, чтобы не привести еще несколько цитат. Например, как герой вспоминает любимую девушку: “Рот ее напоминает персик с ягодой земляники внутри вместо косточки, а глаза были так прекрасны, словно она взяла их взаймы”. И еще: “Видишь, как он уставился на нас! Слышит нас через три тишины”. Или такое: “Пусть ваши волшебные черные глаза разбрасывают душистые взгляды, а возможно, вы засеваете землю драгоценными тенями...” [Павич, 2004: с. 115].

Вероятно, его книги, как и книги других писателей, могут быть хорошим иллюстративным материалом при изучении проблемы ценностей и мотивов в жизни личности. И здесь нам не уйти от этой древней категории и древней проблемы — семи смертных грехов, художественный анализ которых так блестяще выполнил Павич в своей книге.

Много воды утекло во всех реках мира с той поры, когда еще в VI веке католическая церковь в лице папы Григория I Великого перечислила семь смертных грехов человека, которые грозят душе вечными муками (гордыня, алчность, гнев, похоть, чревоугодие, зависть, уныние). Глобализация внесла изменения в этот перечень. Весной 2008 года регент Апостольской пенитенциарии¹ епископ Джиротти в интервью ватиканской газете “Osservatore Romano” обозначил еще одну семерку грехов — социальных, распространяющихся в условиях глобализации (правда, официально эти грехи пока не отнесены к смертным). Это — опыты с ДНК человека, клонирование, загрязнение окружающей среды, аборт, использование контрацептивов, наркотики, социальная несправедливость” [Харитонов, 2008].

Уверен, что респонденты в разных странах значительно расширили бы список “социальных грехов”, если бы мы провели международный опрос.

А тут еще австрийские и английские астрофизики сделали стыдливое и сенсационное признание: несмотря на многовековые исследования, мы не знаем, из чего состоит окружающий нас мир. Единственное, что пока удалось сделать ученым, — это точно подсчитать количество этой загадочной субстанции: наш мир на 96 процентов состоит из чего-то, о чем мы почти ничего не знаем, — 22 процента темной материи и 74 процента темной энергии. Приходится осмысливать тот факт, что Вселенная лишь на 4 процента состоит из той материи, из которой состоит наша Земля и мы сами. Ученые мужественно признали, что их можно сравнить со слепыми мудрецами из известной притчи, которые изучали слона наощупь [Кузина, 2011].

Может быть, социологам и социальным психологам тоже сделать подобное признание? Только каковой должна быть величина познания современного мира?

Какой сюжет (если только это не прозвучит цинично) для нас рядовых жителей Земли разворачивается на наших глазах. Мы не успели прийти в

¹ Орган Ватикана по вопросам исповеди и отпущения грехов.

себя от обвала кредитно-финансовой системы 2007–2008 годов, который зародился на американском рынке недвижимости, как уже надвигается вторая волна еще большего финансового кризиса.

Английская газета “The Independent” опубликовала статью с красноречивым названием “Если США не могут спасти мир, к кому обращаться? К марсианам?”. Главный вывод: три крупнейших экономики мира — Соединенные Штаты, страны Еврзоны и Японию — роднят общие проблемы, все они погрязли в долгах, причём долгосрочных и непосильных, и их политические системы не могут справиться с этими проблемами из-за отсутствия действенных рычагов оказания финансовой помощи банкам и экономикам стран.

В прошлом году отпраздновал свое 90-летие Рэй Бредбэри. Мы восхищаемся его прозорливой социальной фантастикой (“451° по Фаренгейту”, “Марсианские хроники” и др.). Сбылись, к сожалению, его неоптимистические прогнозы относительно будущего американского и мирового сообществ, которые он спрогнозировал еще в 1960-е годы, в частности, насчет проблемы общения и засилья средств массовой информации, в сюжете, где размеры обычного телевизора разрослись до стен типичной квартиры, где проводит все свое время жена героя, которая реальную жизнь давно уже сменила на виртуальную действительность разноцветных многоформатных бесконечных сериалов, опереточных страстей и стандартных телегероев.

А мне с далеких теперь 1970-х годов все время слышится вопрос юного героя одного из рассказов Бредбэри: “Папа, тебе тоже не с кем играть?”

К сожалению, недавно ушел из жизни известный американский писатель Сэлинджер. Трудно, изучая проблему ценностей и социологии смысла, не процитировать известные слова главного героя знаменитой повести Сэлинджера “Над пропастью во ржи” подростка Холдена Колфилда, который так объясняет своей младшей сестре главную мечту своей жизни:

“...Понимаешь, я себе представил, как маленькие ребяташки играют вечером в огромном поле, во ржи. Тысячи малышей и кругом — ни души, ни одного взрослого, кроме меня, а я стою на самом краю обрыва, над пропастью, понимаешь? И мое дело — ловить ребятшек, чтобы они не сорвались в пропасть. Понимаешь, они играют и не видят, куда бегут, а тут я подбегаю и ловлю их, чтобы они не сорвались. Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи. Знаю, это глупости, но это единственное, чего мне хочется по-настоящему” [Сэлинджер, 1965: с. 122].

Наряду с проблемой ценностей другой ключевой является проблема социализации личности. И здесь хорошим иллюстративным материалом для студентов (и не только для них!) был бы сборник биографий известных социологов — наших современников и тех, кто жил в предыдущую эпоху.

Почти сорок пять лет назад И.Кон написал свою известную работу “Социология личности” [Кон, 1967], которая вместе со знаменитой “Человек и его работа” В.Ядова и А.Здравомыслова была бесценным учебником по социологии для нас, аспирантов первых наборов открывшегося в Москве в 1968 году Института социологии АН СССР.

Органично в текст работы И.Кона вошли стихи Александра Пушкина, Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Уильяма Шекспира, Бориса Пастернака, Михаила Светлова, Леонида Мартынова, Валерия Брюсова, Владимира Маяковского, Самуила Маршака.

Поразительная вещь: автор прозорливо угадывает то, что так характерно для наступившего второго десятилетия XXI века: “Освобождение личности означает в конечном итоге развитие ее творческих потенций. Это длительный и сложный процесс. Неравенство развития в человеке человеческого укоренилось настолько глубоко, что многие ученые даже сомневаются в том, что его можно устранить. Лучше всего это выражено в грустной фантастике Стругацких. В рассказе “Мечты — личное дело каждого” выведена формула, производящая грезы, на которые рядовые люди не способны и которые позволяют им испытать то, что самим им пережить не дано” [Кон, 1967: с. 359–360]. Когда пришло тяжелое сообщение о смерти Игоря Семеновича, я подумал о том, что между двумя работами — “Социологией личности” (1967 год) и последней его книгой “80 лет одиночества” (2010 год) — интервал почти в 45 лет. Я так и не успел получить обещанный Игорем Семеновичем автограф.

Наши учителя в аспирантуре Института социологии делали нам повседневные подарки, не замечая того. Игорь Семенович Кон, торопясь на заседание какого-то ученого Совета и на ходу прислушавшись к нашим дискуссиям о процессах социализации личности, бросил фразу: “У Пушкина одно предложение о переходе героини в другую возрастную фазу стоит целых томов: “Душа ждала кого-нибудь””.

Когда-нибудь, когда появится долгожданный сборник с художественной биографией исследователей, создававших социологическую науку, естественным дополнением к этому сборнику будут биографии обычных наших современников, чьи жизни так активно обсуждают студенты.

Много лет вместе со студентами следим за судьбой воспитанника Загорского интерната для слепоглухих Александра Васильевича Суворова, ныне доктора психологических наук, который теперь является — какое найти слово? — учителем, духовным наставником, примером для ребят? и одновременно сотрудником Института психологии РАН. Он сам прошел такие нелегкие ступеньки в жизни от воспитанника этого интерната для слепоглухих до доктора наук. Его последняя работа — “Философия независимой жизни” [Суворов, 2010: с. 114–124]. Ее надо читать всем... И особенно — здоровым. Эта, как и другие публикации А.Суворова, с моей точки зрения, — впечатляющая иллюстрация ко многим курсам по социологии. В первую очередь — по социологии личности.

Отстаивая тезис о том, что процесс социализации личности — это, прежде всего, ее общественная деятельность и порождаемый ею индивидуальный “ансамбль всех общественных отношений”, автор ссылается на вывод своего учителя, много лет работавшего над методикой обучения слепоглухих детей А.Мещерякова “Становлению личности в условиях слепоглухоты мешает не столько физическая проблема, сколько связанное с ней одиночество — невозможность участвовать в ансамбле всех общественных отношений, приобщаться к человеческой сущности традиционными способами, рассчитанными на использование зрения и слуха. В раннем возрасте одиночество добавляет к слепоглухоте еще и немоту” [Суворов, 2011: с. 117].

Не могут не поразить даже самого черствого, не очень организованного и ленивого студента (коих предостаточно, к сожалению) простые человеческие слова среди содержательного, научного текста цитируемой статьи, особенно учитывая биографию автора (привожу пространную цитату для

тех, кто не сможет достать российский журнал): “Я очень благодарен своей маме за то, что у нее хватило ума не мешать мне учиться. А ведь, разумеется, в глубине души у нее теплилась надежда на чудо — на возвращение мне “хотя бы” зрения, “хотя бы” слуха... угроза еще и паралича при маминной жизни, была достаточно далекой опасностью. Сейчас она придвинулась вплотную, в том числе и в связи с диабетом. Ну и что? Учеба моя для мамы была абсолютной ценностью. К счастью, я оказался достаточно увлекающимся и не уступчивым в своих увлечениях. Смолоду ненавидел прозябания, считал его хуже смерти. В итоге в главном, в творческом отношении я жил полноценно; а когда на мою голову посыпались новые медицинские напасти — диабет, диабетическая нейропатия (это когда перестают держать ноги), я не стал оплакивать себя заживо, а лишь прикидывал, какие все же возможности полноценной творческой жизни у меня остаются. И продолжаю спокойно работать. На том свете, как говорится, выздоровею окончательно, а пока установка прежняя, только не прозябать. Но благодаря специальной компьютерной технике я еще могу писать книги...” [Суворов, 2010: с. 120].

Думаю, что ученым всех стран мира хорошо известно имя английского ученого, физика и математика, знаменитого исследователя происхождения вселенной, специалиста по черным дырам. Два года назад он оставил занимаемую им тридцать лет должность заведующего кафедрой математики. Значительно дольше — 40 лет — он страдает неизлечимым и тяжелым заболеванием центральной нервной системы — боковым амиотрофическим склерозом (БАС). Все это время прикован к инвалидной коляске, специально сконструированной для него, где также размещается особый конструктор и синтезатор речи (он не может говорить). Из всего тела действуют только уникальный мозг и два пальца левой руки. Скорость общения Стивена Хогинса 15 слов в минуту. Несмотря на такое состояние Хогинс объездил весь мир, является не только признанным ученым, но и популярным лектором, которого с нетерпением ждут и студенты, и коллеги во всех концах света.

Давно ищу малоизвестную цитату Льва Николаевича Толстого, которую во время обучения в аспирантуре на лекции прочитал один из профессоров. Суть ее сводится к тому, что известный писатель, находясь уже в преклонном возрасте, участвовал как рядовой переписчик во Всероссийской переписи 1897 года. Именно тогда он назвал социологию наукой о счастье человека. Она учит главному — быть счастливым.

Николас Вуйчич, родился в австрийском городе Брисбене. К ужасу родителей оказалось, что у ребенка нет рук и ног, только вместо левой ножки — какой-то укороченный отросток с двумя пальчиками. Учился он в особой школе, где обнаружилось, что у него самые большие склонности к учебе. Сейчас Николас Вуйчич — директор международной организации “Жизнь без конечностей” со штаб-квартирой в южной Калифорнии. Счет его выступлений в разных странах мира доходит до двух тысяч, его аудитория — более двух миллионов человек. Эффект выступлений — потрясающий. Люди наглядно видят возможности человека, который своей биографией доказал, что, не имея рук и ног, человек может чувствовать себя хозяином своей жизни [Иванов, 2010].

Социологи всех стран, которые занимаются “вечной” проблемой — поиском доступного для всех социальных групп языка социологии, делают интересные попытки соединить академический стиль изложения социологи-

ческих проблем с доступностью и даже занимательностью формы изложения. Один из примеров этого — работа известного американского социолога Льюиса Козера “Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте” [Козер, 2006], где сквозь традиционный академический стиль изложения прорываются “нормальные”, “человеческие” фразы, и от этого текст расцветчивается оттенками нашей повседневной жизни и становится особенно запоминающимся. Козер считает необходимым в интересный анализ научной биографии Макса Вебера включить специальную главу “Вебер как человек”, где встречаются такие нестандартные для академического текста высказывания: “Макс Вебер на протяжении всей своей жизни постоянно испытывал душевные муки. Невозможно понять его творческое наследие без рассмотрения тех внутренних противоречий, которые накладывали отпечаток на его интеллектуальную продукцию”. “Годы в Берлине были исключительно продуктивны. Его неистощимая, неистовая работоспособность была, быть может, средством лечения от его все возрастающих враждебных чувств к отцу, от которого он все еще полностью зависел”. “В начале июня 1920 года у Вебера возник сильный жар, и сначала полагали, что это грипп. Но затем диагностировали пневмонию, но было уже слишком поздно: 14 июня он скончался”. “Последними словами, произнесенными в бреду человеком, чей физический облик однажды один из его современников сравнил с обликом суровых рыцарей на полотнах Дюрера, были: “Истина остается истиной”” [Козер, 2006: с. 94–106].

Кроме того, анализируя научное наследие каждого из 15 выдающихся мастеров социологии, Козер выделяет такие составляющие, как особенности личности, интеллектуальная среда, социальный контекст, частная жизнь.

Он не боится быть субъективным, давая свои характеристики классикам. Россыпи таких характеристик разбросаны по всей книге Козера. “Если когда-либо и существовал человек, в столь полной мере соответствовавший понятию маргинальности, то это был Маркс... Маркс нашел среди себе подобных в Берлине друзей и союзников, с которыми он теперь разделял маргинальность”. “Молодой Кули рано развил в себе замкнутый, пассивный и скрытный характер, который всегда оставался отличительной чертой его образа жизни. В течение 15 лет он страдал от различных болезней, некоторые из них носили, несомненно, психосоматический характер. Стеснительный и робкий, страдающий от заикания, он имел немногих товарищей по детским играм, был склонен проводить дни, мечтая и читая в одиночестве. Исключительно впечатлительный, он восполнял неуверенность в себе, воображая себя в роли великого оратора или лидера”. “Маннгейм обладал хорошо сбалансированным умом и уравновешенным характером, и поэтому его вряд ли можно сравнивать с полубезумным Контом — “жрецом человечества”, привыкшим обращаться к своей парижской аудитории с религиозным пылом” [Козер, 2006: с. 53–56; 212; 368]. Козер, как и многие современники Огюста Конта, так и не понял, может быть, главного поступка Конта — посвятить оставшиеся годы жизни не социологии, не науке, а письмам к ушедшей из жизни любимой женщине, которые потом войдут в знаменитую “Исповедь”. “Время по-своему судит”, — намного позже заметит Булат Окуджава.

К сожалению, социологи по большей части не ведут дневников, расточительно относятся к своим архивам. Когда хорошо известный в профессиональной среде социолог из Санкт-Петербурга А.Алексеев собрал свои лич-

ные документы, протоколы, характеристики, свои работы, рецензии, получился впечатляющий четырехтомник “Драматическая социология и социологическая ауторефлексия” [Алексеев, 2003–2005]. В него вошли многолетние наблюдения, когда автор действовал, сочетая множество социальных ролей: рабочего “Ленполиграфмаша”, сотрудника Социологического института, автора многих публикаций, которые вызывали всегда большой резонанс, члена общественных организаций, которые еще тогда, в середине 1980-х, поверили в перестройку. И личный документ неожиданно превратился в непростую историю социологической мысли нашей, когда-то общей страны. Для преподавателя, помимо всего прочего, это полезный материал при чтении отдельных учебных курсов, в частности, при изучении биографического метода.

Мы оглядываемся назад — и видим, какие потери мы уже понесли: Елена Александровна Якуба, Наталья Викторовна Панина, Василий Александрович Соболев, Геннадий Семенович Батыгин, Ирина Марковна Попова, Юрий Александрович Левада, Александр Григорьевич Здравомыслов, Вилен Филиппович Черноволенко, Владимир Леонидович Оссовский, Алексей Игоревич Навроцкий, Олег Леонидович Скидин. К этому печальному списку добавилось такое близкое всем нам имя — Игорь Семенович Кон...

“Торопитесь задавать нам вопросы, пока мы живы!” — обращалась к финалистам II конкурса молодых социологов Украины Ирина Марковна Попова. Как бы предчувствуя, что судьба ей отпустила уже немного... С грустью и теплом я, как и многие, кто знал Ирину Марковну, держу черный томик с ее работами и воспоминаниями о ней, любовно собранный одесскими коллегами в честь ее памяти [Ирина Марковна Попова, 2011].

Многие из тех, кто присутствует на Международных социологических чтениях памяти Натальи Викторовны Паниной, где уже в третий раз подводятся итоги конкурса лучшего молодого социолога Украины, согласятся, что оживленные дискуссии, происходящие в Институте социологии в декабре, в день ее рождения, а особенно конкурсные доклады молодых представителей новой волны украинских социологов — лучший памятник Наталье Викторовне.... Как символично назван сборник докладов III Международных социологических чтений (декабрь 2010 года) — “Соціолог між поклонанням і визнанням”!

Когда будет составлена хрестоматия из известных литературных произведений, которую можно будет широко использовать в качестве иллюстрации к лекционным темам при обучении социологов, она объединит многие удивительные тексты. В их числе — содержание берестяных грамот, которые периодически обнаруживают на раскопках в Новгороде. Разве оставит нас равнодушными древнейшее любовное письмо, написанное в XI веке на бересте: “Я посылала к тебе трижды. Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю ты ко мне не приходил? А я к тебе относилась как к брату! Неужели я задела тебя тем, что посылала к тебе? А тебе, я вижу, не любо. Если бы тебе было бы любо, то ты бы вырвался из-под людских глаз и примчался... хочешь ли, чтобы я тебя оставила? Даже если я тебя по своему неразумению задела, если ты начнешь надо мною насмехаться, то пусть тебя судит Бог и я”. Впрочем, предмет обожания оставался равнодушен к автору письма и, прочитав его, в сердцах разрезал ножом, обрывки завязал в узелок и бросил в кучу навоза. Однако женщины прибежали и к заговорам. “Так пусть разгорится сердце

твое, и тело твоё, и душа твоя страстью ко мне, и к телу моему, и к лицу моему...”, — читаем в другом послании. Правда, мы уже не узнаем, помогло ли колдовство этой отчаявшейся женщине [Проскурня, Агафонова, 2011].

С тех далеких времен известен такой феномен, как предсказание Кассандры — прогноз с высокой степенью точности, который сбывается, но ему, как правило, не верят, поскольку он содержит большую долю негативной информации. Негативная информация неудобна, дискомфортна, ее отвергали всегда. Проще заблуждаться [Нагорный, 2009].

Периодически вспыхивают дискуссии о необходимости повышения прогностической роли социальных наук. Звучат уже традиционные обвинения в адрес тех отраслей, которые раньше назывались “общественными науками”. Достается, конечно, и социологии. Например: “Гуманитарная наука практически проспала глобализацию”, она находится в “плёну линейно-плоскостного восприятия мира” [Кочетов, 2002: с. 40]. В некоторых работах обосновывается тезис о том, что, поскольку интеллигенция не смогла своевременно предвидеть изменений в конце прошлого века и достойно ответить на вызовы времени, она обречена сойти с исторической сцены [Рывкина, 2006: с. 139–146].

И все же, когда прошла волна растерянности перед стремительностью перемен, перед “концом знакомого мира” (И. Валлерстайн), вслед за работами П. Штомпки, который ввел понятие “культурная травма”, стали появляться и другие, содержащие попытки осмыслить происходящее.

Г. Татарова, анализируя понятие “методологическая травма социолога”, характеризует его как термин “для обозначения ситуации растерянности исследователей перед обилием социологических теорий, методологий, методов в процессе принятия решений...” И далее: “...в выборе средств познавательной деятельности... человек не успевает за человечеством, социолог не успевает за социологом” [Татарова, 2006: с. 3–4].

Перед специалистами, занимающимися социальным прогнозированием, перед социологами возникает непростая проблема: как, оставаясь реалистами, сообщая обществу объективную информацию, не увеличить уровень тревожности, уровень алармизма? Нужны ли сейчас предсказания Кассандры?

Конечно, особого оптимизма не добавляет и статистика. Она свидетельствует о том, что если население Земли за прошлый век увеличилось почти в четыре раза, то объем техногенных выбросов возрос в 18 раз, и возобновляемые природные ресурсы (почва, вода, кислород, растительные биологические ресурсы) становятся невозобновляемыми; что рост производства продукции на душу населения закончился еще двадцать пять лет назад, в 1984 году, и, как следствие, численность голодных уже в 2002 году выросла до 1,3 млрд чел. [Зубаков, 2005: с. 45–54].

...Среди старых газет нашел вырезку середины 1990-х годов: “Вы пренебрегли нашим предыдущим предупреждением, переданным на остров Валаам в 1927 году (среди уфологов этот документ известен как “третье послание инопланетян”, где были предсказаны все основные события до 1995 года. — *Прим. ред.*). Вы ничего не предприняли для того, чтобы спасти самих себя” [Беликов, 1995].

Можно, конечно, иронически улыбнуться, просто не думать об этой неудобной эзотерической информации. Но как быть с утверждением извест-

ного специалиста по прогнозированию И. Бестужева-Лады: “Человек, безусловно, виновен в том, что за тридцать лет со времени предупреждения о губительных глобальных проблемах современности он так ничего и не сделал для их предотвращения” [Бестужев-Лада, 2004: с. 139].

Журналисты компенсируют занятость социологов и сами находят доступные формы изложения сложных проблем. Что продемонстрировал на этот раз американский журналист Малькольм Гладуэлл, обозреватель журнала “New Yorker”, автор мирового бестселлера “Что видела собака и другие истории”? Он сделал то, что пока не давалось специалистам по теории катастроф — в популярной форме ответил на вопрос: почему происходят катастрофы. Избегая сложных формул, он сделал вывод, что причиной катастроф оказалось совершенно неожиданное взаимодействие мелких событий, с необходимостью приводящее к тому стечению обстоятельств, которые были названы парадоксальным термином “нормальные катастрофы” [Гладуэлл, 2011].

Юрий Олеша говорил, что каждому человеку нужна своя “золотая полка”, где должны стоять всего несколько книг, которые хотелось бы перечитывать всю жизнь, открывая все новые и новые глубины прочитанного. Уверен, что те, чья студенческая и аспирантская молодость состоялась в 1960–1970-е годы, обязательно поставят на эту полку томик Рэя Бредбэри с его “Марсианскими хрониками” и знаменитым романом “451° по Фаренгейту”. Перечитывать книгу, которая потрясла Вас в юности, спустя много лет — все равно, что встретиться с первой любовью потому — вместе с потрясением возможны и вполне объяснимые разочарования. С большим опасением я снова листал великолепно переизданный том Бредбэри в 2011 году. Удивительная вещь — я снова переживал те же чувства, что и пятьдесят лет назад, когда впервые читал о судьбе необычайного пожарного, призванного не тушить пожары, а жечь книги, и снова, как и в первый раз, я поражаюсь гениальной способности американского фантаста предвидеть будущее, когда перелистывал удивительно точные характеристики героев и событий в рассказах, которые потом он собрал в знаменитые “Марсианские хроники”.

В конце августа 2011 года Рэй Бредбэри отпраздновал свой 91-й день рождения. Журналисты, не сговариваясь, делали вывод, что старость его не пугает, так как он всю жизнь занимался любимым делом, пятьдесят семь лет прошел вместе с любимой женщиной — женой Эстер Моберг. Четыре дочери, внуки. И еще — важный показатель для писателя — его книги выдержали испытание временем. “Марсианские хроники” (1949 год), “451° по Фаренгейту” (1953 год) сопровождают по жизни не одно поколение читателей. С большим опасением (повторяюсь) я после долгого перерыва перелистал очередное переиздание книги писателя с удачным названием “О скитаниях вечных и о Земле”.

И снова произошло чудо: как и много-много лет назад, меня захлестнули магия и волшебство строк Бредбэри. Снова я вместе с загорелым молодым человеком стучался в Дом, к старушке, в котором она прожила взаперти девяносто лет, не открывая никому, боясь смерти. Молодой человек показывает пузырек с волшебным эликсиром (“...в этом пузырьке первая ночь и первый день после того часа, когда вам исполнилось 18 лет”), и предлагает принять “чайную ложечку зеленых мыслей”, чтобы вернуться в юность.

И снова Дуглас спрашивает вместе с нами, читателями, своего брата Тома: “Как, по-твоему, все люди знают, что они живые?” А потом вместе с

дедушкой делают они вино из одуванчиков — “пойманное и закупоренное в бутылке лето”. И снова мы встречаемся с необычным убийцей — “знаменосцем скромного меньшинства”, которое устало от шума и поэтому ломает радиобраслеты, репродукторы, телефоны, радио в автобусе, селекторы на службе...

А в рассказе “Завтра конец света” герой спрашивает у жены: “Что бы ты делала, если бы знала, что завтра настанет конец света?”, и она как-то буднично приходит к выводу, что “если подумать, как мы жили, этим должно было кончиться”. И он делает, может быть, свое самое главное признание в жизни: “Знаешь, мне только и жаль расставаться с тобой и с девочками. Я никогда не любил городскую жизнь и свою работу, вообще ничего не любил, только вас троих”.

На склоне лет Рэй Бредбэри выскажет примечательную фразу-кредо: “Меня просят предсказать будущее, а я хочу предотвратить его”.

Как пробиться к слушающим тебя, на четвертой, пятой паре, какие найти слова, чтобы многие выстрадавшие предыдущими поколениями мысли стали частичками личного блага студентов? Что надо сделать преподавателю в сжатом временном пространстве, чтобы они поразмышляли, к примеру, над известной заповедью любого исследования, которую сформировал Спиноза: “не плакать, не смеяться, понимать”? Может быть, выручает поэзия?

Не плакать, не смеяться, понимать...
Но как мне милую, любя, не обнимать
И, жажда, не мучиться от жажды
И верить вновь, изверившись однажды,
И, все круша, из праха поднимать.
Бестрепетно? Душа — полна тревог.
Удача тешит, неудача гложет.
И если уж Иов смирить себя не смог,
И возроптал, то кто такое сможет?
И каюсь и греша, как разрешить задачу?
Смеюсь сквозь слезы. Восторгаясь плачу.
Но мудрости не смея возражать.
Я волю к пониманью привечаю.
Надежды проблеск замечаю
И что-то начинаю понимать.

[Коган, 2009: с. 78–90]

Можно, кстати, в качестве ораторского приема, спросить у аудитории: “Сколько, по мнению слушателей, лет автору”? Правильный ответ: почти сто лет — Л.Коган родился в 1912 году.

...Уверен, что со временем будет написана художественная серия о жизни выдающихся социологов нашего времени. Она будет хорошей иллюстрацией к содержательной работе Л.Скоковой о биографическом методе. И, может быть, новый читатель сможет разгадать одну из главных загадок жизни великого мыслителя Питирима Сорокина. Почему в его наполненную жизнь, в которой вместо детства была тяжелая работа церковного маляра и художника и учеба в церковно-учительской семинарии, так рано ворвалась революция?

Когда он успел так много сделать за непродолжительный все-таки петербургский период: поступление в психоневрологический институт, перевод на юридический факультет университета, завершение учебы в 1914 году, создание кафедры социальной мобильности, первые фундаментальные работы. “Два тома системы социологии” до высылки из России осенью 1922 года.

А какой захватывающей главой этого романа о Сорокине могла бы стать история его сближения с Игорем Сикорским. Будущий великий социолог и будущий великий авиаконструктор. Бедные, неизвестные на момент их встречи в Америке, но полные энергии и честолюбивых планов...

Почему последние двадцать лет своей жизни, будучи уже всемирно известным ученым, Сорокин вдруг, по мнению многих коллег, занялся социологическим донкихотством — проблемой альтруизма, теорией бескорыстной созидательной любви?

Будущим исследователям еще предстоит открыть для нас работы созданного Сорокиным Гарвардского центра по созидательному альтруизму.

Российский коллега, А.Тихонов, рецензируя работу Ю.Неймера “Из стабильности в кризис. Исследования и публицистика социолога в СССР, Украине и США”¹, нашел точную метафору, анализируя возросшие сложности и возросшую ответственность социолога: “Он не только лично расплачивается за принятие или непринятие решения, но и принимает на себя ответственность за разрешение этих системных противоречий, даже если его об этом не просят, он становится “дежурным по человечеству”” [Тихонов, 2006: с. 148–150].

На мой взгляд, выполнение этой сложной задачи во многом зависит не только от качества и оперативности исследований, но и от формирования нового механизма, который поможет в современной, доступной и выразительной форме представить и социологическую классику, и работы нынешнего поколения социологов не только студентам, но и самым разным социальным группам. Испытанные помощники здесь — искусство, литература, поэзия. Точно сказано об этом у Евгения Евтушенко:

“Да для чего нам Ваша муза?” —
  так разговорчики ведут.
Но осторожно — срывы вкуса
  ко срываю совести ведут...”

Источники

Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия : В 4-х т. — СПб.: Норма, 2003–2005.

Аннинский Л. Александр Твардовский. “...Но все же, все же, все же...” // Свободная мысль. — 2005. — № 8. — С. 147–161.

Аннинский Л. Конгениальная пара // Свободная мысль. — 2007. — № 9. — С. 184–196.

Аннинский Л. Остережение в катастрофе // Свободная мысль. — 2008. — № 7. — С. 99–110.

---

¹ Социологам, работавшим в области промышленной социологии в 1970-х и 1980-х годах, хорошо знакомы работы Юрия Львовича.

- Бачинин В.* “И увидел Конт, что это хорошо...” // Свободная мысль. — 2010. — № 12. — С. 177, 188.
- Безелянская А.* Бессонница Огюста Конта // Студенческий меридиан, 2008.
- Беликов Ю.* Последнее предупреждение инопланетян? // Комсомольская правда. — 1995. — 31 мая.
- Бестужев-Лада И.В.* Свою счеты с жизнью. Записки футуролога о прошедшем и происходящем. — М., 2004.
- Бредбэри Р.* О скитаньях вечных и о Земле. Фантастические произведения. — М.: ЭКСМО, 2002.
- Бурлачук В.* Что видит социология // Социология: теория, методы и маркетинг. — 2011. — № 2. — С. 205–209.
- Веллер М.* Ноль часов. — Харьков: Фолио, 2000.
- Гладуэлл М.* Сокращенный вариант главы “Взрыв” из мирового бестселлера “Что видела собака и другие истории”. Редакционное название “Ритуальные катастрофы и религия безопасности” // Ежедневник “2000”. — 2011. — 22–28 апреля.
- Голосенко И.А., Зверев В.М.* Социолог Агнесса Звоницкая: Работы и судьба // Социологические исследования. — 1991. — № 2. — С. 75–80.
- Здравомыслов А.Г.* Социология как жизненное кредо // Социологический журнал. — 2006. — № 3–4. — С. 150–186.
- Зубаков В.* Ипостаси глобализации и императивы выживания // Свободная мысль XXI века. — 2005. — № 8. — С. 45–54.
- Иванов Н.* “Для того, чтобы быть счастливым, необязательно иметь руки и ноги” Николас Вуйчич // Мир новостей Украины. — 2010. — № 28.
- Ирина Марковна Попова: Memoria* // Сост. М.Б.Кунявская, Е.В.Лисиенко, О.Р.Лычковская. — Одесса: Астро-принт, 2011.
- Коган Л.А.* Свобода — самость создателя // Вопросы философии. — 2009. — № 7. — С. 78–90.
- Козер Л.* Мастера социологической мысли. Идеи в историческом, и социологическом контексте. — М.: Норма, 2006.
- Кон И.С.* Социология личности. — М.: Политиздат, 1967. — 383 с.
- Кури А.* Покупатели мечты. — Харьков; Белгород: Клуб семейного досуга, 2011.
- Кури А.* Продавец грез. — Харьков; Белгород: Клуб семейного досуга, 2010.
- Курков А.Ю.* Последняя любовь президента. Роман. — Харьков: Фолио, 2004.
- Ломоносова.* Питирим Сорокин о политике России и политике в Америке // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2006. — № 1. — С. 45–60.
- Маркс Г.Т.* О профессиональной деятельности социолога — 37 моральных императивов // Социологические исследования. — 2008. — № 1. — С. 129–138.
- Нагорный Б.* Нужна ли Кассандра в XXI веке? (некоторые спорные размышления о социальном прогнозировании) // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2009. — № 2. — С. 202–209.
- Неймер Ю.Л.* Из стабильности в кризис. Исследование и публицистика социолога в СССР, Украине и США. — М.: Кнорус, 2004.
- Павич М.* Семь смертных грехов. Рассказы. — СПб.: Азбука-классика, 2004.
- Парандовский Я.* Мифология. — М.: Детская литература, 1971.
- Платонов В.* Коктебельский альбом Волошиных // Зеркало недели. — 2010. — 25 сентября.
- Пришвин М.М.* Избранное. — М.: Московский рабочий, 1971.
- Пришвина В.Д.* Наш дом. — М.: Молодая гвардия, 1980.
- Проскурня К., Агафонова Ю.* — 2011, www.oracle-today.ru.
- Ритуальные катастрофы и религия безопасности. Редакционный сокращенный вариант главы “Взрыв” из книги Малкольма Гладуэлла “Что видела собака и другие истории” // Ежедневник “2000”. — 2011. — 22–28 апреля.

Соломин А. Эзотерический смысл маленьких трагедий А.С. Пушкина // Свободная мысль. — 2006. — № 9–10. — С. 146–159.

Сорока Ю.Г. Видеть, мыслить, различать: социокультурная теория восприятия. — Х.: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2010.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992.

Соціолог між покликанням і визнанням. Матеріали Міжнародних соціологічних читань пам'яті Н.В.Паніної / За ред. О.Г.Стегнія. — К.: Інститут соціології НАНУ, 2010.

Соціологія ХІХ — початку ХХ століття. Хрестоматія / За ред. В.Г.Городяненка. — Д.: ДНУ, 2007.

Суворов А. Философия независимой жизни. Мобилизация личностных сил инвалидности // Свободная мысль. — 2010. — № 3. — С. 115–124.

Сэлинджер Дж.Д. Над пропастью во ржи. — Харьков: Фолио, 1999. — С. 24–31.

Татарова Г.Н. Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знаний // Социологические исследования. — 2006. — № 9. — С. 3–12.

Тихонов А.В. Рецензия на книгу Ю.Л.Неймера “Из стабильности в кризис” // Социологические исследования. — 2006. — № 9. — С. 148–150.

Фромм Э. Психоанализ и этика. — М.: Республика, 1993.

Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. — М.: Политиздат, 1984.

Харитонов М. Ватикан нашел в людях новые пороки // Комсомольская правда. — 2008. — 15 марта.

Энциклопедия пороков: оправдание изъянов и слабостей человеческой природы. — К.: Наукова думка, 1996.

Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Книга пятая и шестая. — М.: Советский писатель, 1966.